

 СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

**КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(на материале словарных статей
и ассоциативного словаря)**

На материале словарных статей и данных ассоциативного словаря предлагается описание концепта «радость» в русской лингвокультуре. Выявлены ассоциативные, образные и ценностные характеристики этого концепта, установлена его этнокультурная специфика в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, словарная статья, структура, образ, ценность, ассоциация.*

Мир эмоций в силу его психосоциальной релевантности для человека достаточно детально вербализован в любом социуме [1, с. 37 – 43; 19 и др.]. При этом, судя по публикациям психологов, одни эмоции принято считать основными (или базисными), а другие – вторичными [2, с. 3 – 28; 4; 7, с. 354 – 360; 13, с. 165 – 166]. К первой группе, как правило, относят страх, радость, гнев и печаль. По утверждению Н.В. Витт, «...существуют достаточно веские основания полагать, что именно базальные (т.е. базисные. – *Н.К.*), обобщенно репрезентирующие всю палитру разнообразных эмоций, выступают в качестве родовых по отношению к соответствующим группам других эмоций» [3, с. 31]. В одной из своих работ психолингвист Е.Ю. Мягкова с целью установления перечня номинантов эмоций, отмеченных в многочисленных классификациях психических переживаний, пришла к выводу о том, что разные авторы называют разное количество основных (базальных, базисных, фундаментальных) эмоций [6, с. 65 – 66]. При изучении данных перечней мы обнаружили, что практически всеми психологами в качестве базисных действительно называются страх, гнев, печаль и радость. В

данной статье мы остановимся на лингвокультурной характеристике концепта «радость», на выявлении, в частности, его понятийной, образной и ценностной составляющих. Материалом для описания этого концепта являются словарные статьи и данные «Русского ассоциативного словаря».

Словарная филологическая статья – это культурологически значимый, специфический тип вербального текста, в котором раскрыты структура и содержание концепта. Она состоит из собственно дефиниционной и экспликативной (иллюстративной) частей. В первой с точки зрения логики раскрываются наиболее важные признаки определяемого понятия, во второй же содержатся преимущественно его образы и оценки. Понятийными признаками концепта радости, как показывают словарные определения, являются следующие: 1) веселое, 2) большое, 3) внутреннее, 4) чувство, ощущение, 5) душевное, 6) удовольствие, 7) удовлетворение. Радость квалифицируется, следовательно, как положительная эмоция, внутренне переживаемая человеком. Она характеризуется интенсивностью переживания.

Экспликативная часть словарной статьи позволяет выявить ассоциативно-образные и ценностные составляющие концепта радости. Заметим, что составители толковых словарей (элитарные языковые личности!), опираясь на свою высокую лингвистическую компетенцию, предлагают наиболее типичные, высокочастотные речепотребления номинантов концептов, нередко обращаясь при этом к прецедентным в социуме выражениям. Интерпретативный анализ многочисленных употреблений номинантов *радость* и *отрада* позволяет выделить следующие семантические группы в когнитивном поле этого концепта: 1) пребывание в состоянии положительных переживаний с указанием / без указания их каузатора (*испытывать, доставить радость; дети – ее отрада*); 2) проявление эмоции в действиях человека (*вне себя от радости; Другая бы на моем месте кричала бы от радости.* –

А. Островский); 3) активное человекоподобное действие радости (*Острая захватывающая радость вдруг овладела им.* – А. Чехов); 4) противопоставление радости негативным переживаниям (*радости и горести жизни*); 5) положительная знаковость эмоций (*отрада для души; И я любовь узнал душой | С ее небесною отрадой...* – А. Пушкин; *Весна! весна! души отрада!* – И. Никитин); 6) градация эмоций радости (*Воспоминание об этом времени разливало тихую радость в душе моей.* – С. Аксаков); 7) соматическое выражение эмоций (*глаза, лицо сверкают, светятся радостью; радость освещает, озаряет лицо, глаза; И светлая горит в очах их радость...* – Ф. Соллогуб; *Сердце мое испытало много радостей и много горестей.* – И. Тургенев; *Пирует Владимир со светлым лицом, | В груди богатырской отрада.* – А.К. Толстой); 8) временность переживания радости (*Когда улеглась радость...* – А. Герцен).

Радость в русском языке мыслится его носителями как позитивное эмоциональное состояние, переживание которого психологически важно, жизненно необходимо человеку. Ее позитивность четко эксплицирована примерами, конкретно указывающими ее каузатора (например, дети). Не случайны положительные дистрибуции номинаций эмоций – «сиять», «озарять», «светлый», обладающих позитивной семантикой. Положительность образа радости иллюстрируется также его противопоставлением отрицательно оценочным понятиям, ср. «*радости и горести*».

Анализ метафорического употребления слова *радость* показывает, что обозначенный им концепт позитивно оценивается русским языковым сознанием: *В песнях матери оставленной | Золотая радость есть* (А. Блок); *...Может быть, там хранятся наши запасы доброты, радости?* (Д. Гранин). Достаточно отчетливо в русском языке выражено противопоставление радости негативным, нежелательным для переживания человеком эмоциям: *Он познал столько забот, страха и горя, а может, немного и радости* (В. Быков). Здесь же укажем на понимание русскими смешанности эмоций: *Есть сумерки души во цвете лет, | Меж радостью и горем полусвет* (М. Лермонтов).

Глубина переживания данной эмоции роднит ее с деструктивно действующими на психическое самочувствие эмоция-

ми: *Только бы радость перенести!* (А. Блок). Глагольная лексема *перенести* употребляется «в норме» применительно к отрицательным номинациям эмоций – «не в силах перенести горе» и т.п. С целью максимальной экспрессивизации текста поэт может использовать не совсем обычное сочетание слов, т.е. вопреки их лексическим валентностям. Интенсивность переживания радости (опять же подобно отрицательным эмоциям), согласно представлениям русских, может лишить человека рассудка: *Юрий Андреевич обезумел от радости* (Б. Пастернак).

В одной из своих работ В.А. Успенский следующим образом характеризует русскую радость: «Радость – внутри человека. Это легкая светлая жидкость. Иногда она тихо разливается в человеке, а иногда бурлит, играет, искрится, переполняет человека, переплескивается через край. Повидимому, она легче воздуха: человек от радости испытывает легкость, идет, не чуя земли под ногами, парит и, наконец, улетает на седьмое небо» [17, с. 151].

В лингвокультурологическом аспекте, по нашему мнению, обращают на себя внимание примеры употребления слова «радость», зафиксированные в «Словаре древнерусского языка»: а) *Печальни вадеть, нъ печаль ваша въ радость вадеть*; б) *Приведоуться въ веселии и радости*; в) *Не оукори его в радости его*; г) *Оуслышимъ веселие и блага радость*; д) *Пен и яжь и веселися въ великои радости*; е) *С радостью творити* [15]. Анализ данных языковых иллюстраций позволяет сделать следующие предположения. Во-первых, номинант эмоции *радость* часто употребляется с другими обозначениями эмоций – *веселье, печаль* (примеры а), б), в), г), д)), что является аргументом в пользу их общей онтологии. Психологически интересен в особенности пример а), свидетельствующий о понимании человеком трансформаций, переходов одних эмоциональных состояний в другие. Во-вторых, в некоторых иллюстрациях (в частности, в примерах в) и д)), выражено четко оформленное позитивное отношение людей к рассматриваемой эмоции. Данные примеры, по всей видимости, следует толковать как стремление человека к переживанию светлой, жизнеутверждающей эмоции, эмоции радости.

Слово *радость* используется в настоящее время в нескольких значениях – само чувство, объект чувства, какое-либо хоро-

шее событие [8, с. 629]. Слово *отрада* употреблялось в следующих значениях: **Отрада – Отдых, успокоение. – Утешение, успокоение. – Прощение** [15]. Ряд из указанных значений, на наш взгляд, корреспондирует с определенными религиозными представлениями человека. Автор «Словаря древнерусского языка» приводит иллюстрацию, раскрывающую семантику этого слова: **Какого отрада ты сподобишися, по средь валяясь** (Там же). В данном случае слово *отрада* употребляется в значении «прощение». Можно предположить, что русский человек, согласно приведенному примеру, переживал чувство радости, когда получал прощение.

Известный скандинавовед-этимолог М.И. Стеблин-Каменский пишет: «Весьма вероятно, что в более отдаленную эпоху многие отвлеченные обозначения явлений (“война”, “битва”) или переживаний (“ненависть”, “ужас” и т.п.) были обозначениями более или менее человекообразных существ» [16, с. 35 – 36]. Можно предположить, что в древности человек относился к переживаемым эмоциям как к чему-то вполне реальному, существующему в действительности. Эмоции, являющиеся в нашем современном понимании некими абстракциями, отождествлялись в древности с объектами предметного мира. Интересными в этой связи представляются рассуждения лингвиста-этнолога К. Остхеерена, рассматривающего семантику и этимологию понятийного поля «радость» в древнеанглийском языке. Он связывает осмысление человеком чувств с таким экстралингвистическим фактором, как христианство, сменившее язычество. В язычестве, по его мнению, первоначальное понятие радости корреспондировало с культовыми, обрядовыми действиями: играми, танцами, пением. Радость – это было нечто обязательное, воспринимаемое зрительно и на слух; представление об этом чувстве имело очень мало общего с тем, что является внутренним состоянием современного человека (цит. по: [18, с. 45]).

Обратимся теперь к данным «Русского ассоциативного словаря». Переживание этой эмоции связано со следующими ассоциациями (далее называются слова-реакции): *большая* – 8, *горе*, *счастье* – 5, *встречи*, *моя*, *улыбка* – 3, *горе* – 3 [12, с. 56], *грусть*, *жизни*, *нежданная* – 1 [11, с. 147], *бурная* – 1 [12, с. 21], *восторг* – 1 (Там же, с. 43). Легко заметить

относительно невысокий ассоциативный коэффициент слова «радость» в русском языке. Значительно чаще, однако, слово «радость», как показывают данные «Русского ассоциативного словаря», выступает в качестве реакции в ответах информантов: *успех* – 21 [10, с. 259], *гость*, *удовольствие* – 20 (Там же), *гнев* – 16 [9, с. 35], *чувствовать* – 16 (Там же, с. 185), *наслаждение* – 11 (Там же, с. 174), *восторг* – 7 [11, с. 39], *слезы* – 6 (Там же, с. 162), *восхищение* – 5 (Там же, с. 36), *жalousть* – 3 [9, с. 50], *светлый* – 3 (Там же, с. 146), *удивление* – 3 (Там же, с. 184), *отчаяние* – 3 (Там же, с. 114), *страдание* – 2 [9, с. 164], *печаль* – 2 (Там же, с. 125), *грусть* – 1 (Там же, с. 48).

Наиболее часто радость ассоциируется в современном русском социуме с успехом и приемом гостей. Ее переживание связывается с целым рядом положительных эмоций (*удовольствие*, *наслаждение*, *восторг*, *восхищение*) и иногда с некоторыми отрицательными эмоциями (*гнев*, *отчаяние*). Некоторыми респондентами отмечается ассоциация радости с соматической экспликацией противоположного ей чувства – словом *слезы* (ср. с известным выражением *слезы радости*). В отличие, например, от эмоции страха радость корреспондирует с цветом (*светлая радость*), что подчеркивает ее ранее уже отмеченную позитивность.

В заключение укажем, что культурологически релевантным мы рассматриваем речевое употребление в одних и тех же контекстах номинантов радости с национально-специфическими для русского социума понятиями – «сердце» и «душа» (*сердце испытало много радостей*, *тихая радость в душе*, *отрада души* и т.п.), что не характерно, например, для немецкого социума (подробнее см. [5]).

Литература

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Рус. словари, 1997.
2. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций : вступ. ст. // Психология эмоций. Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 3 – 28.
3. Витт Н.В. Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении. М. : Изд-во МГУ, 1983.
4. Изард К. Психология эмоций. СПб. – Харьков – Минск : Питер, 1999.
5. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М. : ГНОЗИС, 2008.

6. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.

7. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М. : Рефл-бук, 1998.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1995.

9. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин [и др.]. М. : ИРЯ РАН, 1994.

10. Русский ассоциативный словарь. Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин [и др.]. М. : ИРЯ РАН, 1994.

11. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин [и др.]. М. : ИРЯ РАН, 1996.

12. Русский ассоциативный словарь. Кн. 4: Обратный словарь: от реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин [и др.]. М. : ИРЯ РАН, 1996.

13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М. : Прогресс, 1979.

14. Римап Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии. М. : Алетейа, 1998.

15. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. М. : Книга, 1989.

16. Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л. : Наука (Ленингр. отд-ние), 1976.

17. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. Ч. 1. М. : ВИНТИ, 1997. С. 146 – 152.

18. Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного слова (на материале древнеанглийского языка). Л. : Изд-во ЛГУ, 1984.

19. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М. : ГНОЗИС, 2008.

The Russian linguistic and cultural concept “joy” (in dictionary entries and associative dictionary)

Based on the materials from dictionary entries and associative dictionary there is regarded the description of the concept “joy” in Russian linguistic culture. There are revealed the associative, figurative and value characteristics of this concept, as well as its ethnic cultural specificity in Russian linguistic culture.

Key words: *concept, linguistic culture, dictionary entry, structure, image, value, association.*

Е.А. ОГНЕВА
(Белгород)

СЦЕНАРИЙ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДИНАМИКИ КОНЦЕПТА*

Рассматривается динамика номинативного поля концепта как компонента концептосферы художественного текста. Устанавливаются тенденции трансляции на французский и английский языки терминалов, составляющих сценарий как динамичную когнитивную структуру. Осуществляется моделирование номинативного поля сценария.

Ключевые слова: *концепт, динамика, сценарий, моделирование, номинативное поле.*

Художественное произведение представляет собой совокупность авторских концептов, которые в зависимости от их смыслового наполнения «реализуются в таких своих разновидностях, как гештальт, фрейм (статика), сценарий (динамика)» [1, с. 7]. Д и н а м и к а – неотъемлемая и значимая составляющая концепта, которая прослеживается в семантической программе, что позволяет смоделировать содержание концепта как гносеологически важно средство познания [7, с. 28].

Исследование динамики концепта позволяет определить вектор развития концептосферы литературных произведений в рамках национального языка, т.к. именно художественные тексты фиксируют динамику художественного концепта как в диахронии, так и в синхронии. Диахронический аспект: уровень динамики концепта определяется в процессе сопоставительного анализа концептов различных временных пластов, отображенных в художественных текстах; в результате выявляются расхождения между архаической семантической системой языка и актуальной ментальной моделью, действительной для данного языкового коллектива. Синхронический аспект: динамика концепта определяется путем изучения параметров его номинативного поля, вследствие чего выявляется характер его структуры – статичный или

* Статья подготовлена на средства внутривузовского гранта на проведение приоритетных исследований науки, технологии и техники ВКГ 184-09.